

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

УДК 327.58

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

ШЕВЦОВА А. Л.

АННОТАЦИЯ

Рассмотрена трансформация системы историко-культурных регионов Восточной Европы. Указаны факторы, способствовавшие уменьшению региональных противоречий в странах Восточной Европы. Особенности регионов определены как значимый фактор внешней политики.

Ключевые слова: Восточная Европа; историко-культурный регион; приграничный регион; региональные конфликты; внешняя политика.

REGIONAL FACTOR OF FOREIGN POLICY OF STATES OF EASTERN EUROPE: HISTORICAL AND CULTURAL ASPECT

SHEVTSOVA A. L.

ABSTRACT

The transformation of the system of historical and cultural regions of Eastern Europe is considered. The factors that contributed to reducing regional conflicts in Eastern Europe are defined. Regions' features are defined as a significant factor of foreign policy.

Keywords: Eastern Europe; a historical and cultural region; a border region; regional conflicts; foreign policy.

Восточная Европа является одним из наиболее трансформированных в 20-м столетии регионов Европы, а вопросы исторических особенностей развития тех или других регионов Восточной Европы зачастую носят острый политический характер до сих пор.

Понимание особенностей образования и функционирования всей системы историко-культурных регионов Восточной Европы позволяет лучше оценить характер идеологических импульсов, которые исходят из разных регионов Восточной Европы и спрогнозировать степень влияния идеологических факторов на внешнюю политику государств.

Современная система историко-культурных регионов Восточной Европы в основном сформировалась в первые годы после Второй мировой войны как следствие внешнеполити-

ческих решений государств, разгромивших нацистскую Германию [1, с. 186–193; с. 383–401].

В ходе войны во всех странах Восточной Европы было практически полностью потеряно довоенное городское население. После войны тенденция к изменению этнокультурного состава городского населения продолжилась, а также она затронула обширные пласты сельского населения. Это выразилось в следующем:

– переселение поляков из СССР в Польшу. Особенно важно – практически все польское население Вильнюса покинуло город и организовано уехало в Польшу. Практически полностью поляки покинули украинскую Галицию (Галичину), где до этого они были преобладающей нацией. На 31 октября 1946 года из СССР в Польшу выехали около 1 090 тыс. чел. (в том числе из Украины – 789 982, из Белоруссии –

231 152 и из Литвы – 69 724 чел.) [2];

– переселение украинцев и белорусов из Польши в СССР. Так, по состоянию на 31 октября 1946 года, из Польши в СССР переселилось около 518 тыс. чел. (в том числе на Украину 482 109, в Белоруссию 35 961 и в Литву – 14 чел. [2];

– переселение немцев из Восточной Пруссии, Силезии, Померании, Судет;

– не вернулись в Латвию и Эстонию немцы, покинувшие эти страны перед войной. Всего из западных районов СССР было эвакуировано 392 тыс. (по другим данным 310 тыс. или 350 тыс. чел.) «фольксдойче» [2]. Из Эстонии уехали все проживавшие там шведы (более 6 тыс. человек) [3, с. 67-68];

– потеря довоенных национальных элит прибалтийскими государствами и Польшей;

Произошло заселение ряда регионов Восточной Европы новым населением:

– поляки на «землях отысканных» (в западных и северных воеводствах Познаньском, Вроцлавском, Щецинском, Гданьском) – в значительной мере переселенцы из бывших «кресов восточных», а также – украинцы, выселенные из восточных воеводств в ходе операции «Висла» и других подобных акций;

– чехи в Судетах;

– русские и отчасти белорусы в Калининградской области РСФСР;

– литовцы в Виленском крае и особенно в городе Вильнюсе;

– украинцы в городах Западной Украины и на землях, где ранее жили поляки на Волыни и в Галиции;

– украинцы и русские в других регионах Украины, особенно на востоке;

– белорусы в городах Беларуси;

– русские в ряде городов Западной Украины (Львов);

– русские в ряде городов Беларуси (все крупные города);

– восточные славяне в Латвии и Эстонии;

– восточные славяне в Виленском крае, особенно в Вильнюсе и в Клайпеде;

– литовцы, латыши, эстонцы (недавние переселенцы из деревень) заселили вновь города своих республик;

В одном случае появилась культурная группа, которой ранее не было – восточные украинцы в Западной Украине (восточники). В Западной Беларуси аналогичный феномен

восточников-белорусов был незначителен и почти незаметен политически.

Население западных областей Украины обрело элементы новой идентичности – «западники», которая отделяла их от сородичей в восточных областях. В Западной Беларуси аналогичный процесс шел не так ярко. Имеет значение разная доля западников и восточников в составе украинской и белорусской наций. В Украине к моменту распада СССР население Западной Украины составляло около 18% населения УССР [4]. Население Западной Беларуси составляло около 40% населения БССР.

В послевоенный период перестала иметь заметное значение массовая ярко выраженная локальная идентичность: лемки, полешуки, подляшук и т.д. Эти культурные группы сохранились на уровне малозаметных региональных культурных групп, без глубокого потенциала к кристаллизации в массовые культурные движения [5, s. 164-168]. Попытки в 1980-1990-х годах создать на их основе заметные политические и культурные движения были предприняты, но провалились. Также практически исчезли ярко выраженные культурные меньшинства на стыках границ национальных государств:

– поляки в Беларуси согласно Переписи населения 1999 года составили 3,97% (396 тыс. чел.) [6]. В качестве заметного самостоятельного культурного или политического фактора они стали незаметны;

– поляки в Виленском крае Литвы сохранили свою идентичность и проявили политическую активность более ярко, чем в Беларуси. Но отличались особенностью – были в значительной степени ориентированы на советскую модель польской идентичности и во время катаклизмов конца 1980-х – начала 1990-х годов нередко поддерживали интердвижение и тому подобные просоветские организации. Поляки в Литве составляют около 7% населения (на 2001 год) [7], практически все они компактно проживают в Вильнюсе и четырех районах Литвы (Виленский край);

– поляки в Западной Украине почти никак не проявляли себя политически и были незаметны культурно.

– на западном Полесье на стыке границ трех государств ситуация была сложнее. В конце 80-х – начале 90-х годов в западно-полесских районах Беларуси, Украины и на Подляшье Польши было создано и стало активным региональное политическое движение «Полиссе»,

которое ставило целью автономизацию этого региона. Также проявились попытки создать украинское сепаратистское движение, но они также не вышли за рамки относительно небольшого культурного движения. Полешуки в целом интегрировались в состав наций тех государств, на территории которых оказалось западное Полесье.

– на польском Подляшье произошла практически полная ассимиляция католического населения, говорившего к моменту окончания Второй мировой войны на диалектах украинского и белорусского языков. Ассимиляция православного населения идет более медленными темпами, но в целом непольскую идентичность в этом регионе сохраняет небольшое количество и православных также. Ныне на Подляшье насчитывается около 30 тыс. украинцев и менее 50 тыс. белорусов [8], хотя еще в 1970-х годах белорусов в этом регионе было свыше 200 тыс. человек.

– в Черниговской области Украины белорусоязычное население не проявляет заметной культурной активности и практически не фиксируется при переписях. Допустимо говорить о его значительной ассимиляции [4].

– белорусоязычное сельское население Псковской, Смоленской, Брянской областей в примыкающих к Беларуси регионах согласно переписям не фиксирует белорусской идентичности и не проявляет белорусской культурной или политической активности. Можно говорить о происшедшей его глубокой интеграции в состав русского народа.

– в Латгалии ситуация сложнее. Здесь произошла кристаллизация региональных культур: латгалы (под этим названием выступают люди, которые понимают себя этнической группой латышей, и люди, которые считают латгальский язык третьим живым особым балтским языком, а себя – третьим балтским народом), автохтонное славянское население этого региона (поляки и белорусы), русские-староверы, заметное количество славян переселенцев послевоенного периода, зачастую имеющих родственников в смежных областях России и Беларуси.

– в Западной Украине православное и униатское население в основном прочно перешло к украинской идентичности, но в своих специфических региональных формах. Региональные формы украинской идентичности оказались связаны с особыми социальными структурами, характерными для разных местностей Западной Украины и особыми административными

единицами – областями, созданными в этой части УССР после Второй мировой войны – а именно:

– православная церковь со своей особой историей на Волыни.

– униатская церковь, которая оказалась скрыта внутри православной церкви после Львовского церковного собора 1946 года.

– особое развитие Черновицкой области, которая охватила собою территорию межвоенной румынской Северной Буковины, отошедшей к СССР.

– особая область в Закарпатье, которая охватила своими границами своеобразный регион, в межвоенное время принадлежавший Чехословакии.

В этих областях сохранялась историческая память и вариант этнической идентичности, тесно связанный с украинским антисоветским и антипольским националистическим движением первой половины XX столетия.

В Польше следует выделить особую культурную ситуацию, которая сложилась на «землях отысканных»: на этих территориях отсутствовала традиционная польская культура нового населения. Изначально на этих территориях был высоким уровень урбанизации и концентрации производства в сельском хозяйстве (кооперативы в этой части Польши не были распущены в 1950-х годах в отличие от той части Польши, которая входила в состав межвоенного польского государства). Несколько обособленно на этих территориях выглядели «шлэнзаки» – коренное славянское население этих территорий, которое осталось на своих землях после выселения немцев. Но заметного влияния на культурную или политическую ситуацию в Польше это население не оказывало.

На территориях, ранее входивших в состав межвоенного польского государства, сохранились частная собственность на землю и связанная с нею традиционная сельская культура; костельная организация и традиционная парифиальная община; центры городской польской культурной жизни и отчасти преемственность интеллигенцией прежних эпох в истории Польши; более высокий, чем на «землях отысканных», массив польской гуманитарной интеллигенции, людей искусства, национально мыслящей бюрократии в обеих столицах и политических активистов; темпы урбанизации в этой части Польши были в целом не так высоки, как на «землях отысканных».

Важную роль в формировании новых историко-культурных регионов Восточной Европы играли урбанизация и индустриализация, которые в разных регионах имели свои особенности и различались по темпам. Например, в 1979 году в Западной Украине был всего один достаточно крупный город – Львов (667 тыс. человек), в то время как в Восточной Украине было 5 городов-миллионеров [4]. В Западной Беларуси вообще отсутствовали такие крупные города. При этом западно-украинские и западно-белорусские области были в основном аграрными по специализации их экономики, а восточные области этих государств – индустриальными. Индустриальной была западная и северная Польша, и более-менее индустриальная часть страны вокруг Кракова и Варшавы. В целом наблюдался меньший уровень индустриализации и концентрации населения в городах Польши по сравнению с Беларусью и Украиной. Особенность Прибалтики – во многом славянские города Латвии и Эстонии, а также Вильнюс и Клайпеда. Но доля славян в населении Литвы, Латвии, Эстонии была различной. Из славян количественно преобладали русские, поэтому укажем, что в 1959 году русское население в Латвии составляло 26% [5, s. 55], в Эстонии 20,1% [5, s. 52], в Литве 8,5% всего населения [7].

В тех регионах, где темпы урбанизации были медленными, сохранялась в большей степени традиционная культура: деревенская община, церковная община, фольклор, характерные для этих местностей сельские диалекты и формы локальной идентичности.

Возникшая система историко-культурных регионов являлась следствием ряда общих для Восточной Европы процессов:

1. Создания крупных наций в рамках национальных государств, существовавших как в виде независимых Польши или Венгрии, так и в рамках союзных республик СССР и Чехословакии. Почти все государства региона имели типичные общие признаки:

– на смену довоенным многонациональным государствам в целом пришли государства мононациональные или близкие к мононациональному составу. Если в довоенной Польше национальные меньшинства составляли около 35% населения, то согласно польской переписи населения 1946 года на территории Польши уже в этом первом послевоенном году около 97% всего населения были поляки [5, s. 53–74]. Данные первой послевоенной Всесоюзной переписи населения СССР 1959 года указывают, что

76,8% населения Украинской ССР составляли украинцы, а 81% населения Белорусской ССР – белорусы [4; 6]. Исключения составили Латвия, Молдова, но они не оказывали заметного влияния на культурно-политическую ситуацию в Восточной Европе.

– во всех национальных государствах прошла унификация идентичности коренных этносов. Жемайтийцы, шлёнзаки, дзукийцы, латгалы, полешуки, гуцулы и т.д. – эти локальные культурные общности сохраняются, но их наличие больше, как правило, не создает проблемы вероятного откола данной культурной группы от нации и возникновения на базе этой культурной группы отдельного серьезного националистического движения.

2. Преодоление прежде доминировавших на территориях этих государств культур, созданных ранее в рамках исчезнувших крупных государств. В основном это касалось польской культуры в ее местных версиях, а также – немецкой культуры, австрийской, отчасти венгерской и румынской, остатков прежней русской культуры, ориентированной на ценности, отвергнутые в СССР. У каждого региона была своя альтернативная прежней модели культуры, но все вместе они составляли одну систему, обеспечивавшую развитие новых наций в рамках новых национальных государств.

Так, обмен населением между Польшей с одной стороны и Украиной, Беларусью, Литвой – с другой в конце 1940-х – в 1950-х годах привел к почти полному исчезновению польского культурного фактора на территориях этих государств. Новая национальная идентичность в разных частях Украины и Беларуси имела высокую степень разнообразия: например, идентичность украинцев в Западной Украине во многом сохранила связь с симпатиями к украинскому антисоветскому националистическому движению (ОУН – Организация украинских националистов, УПА – Украинская повстанческая армия, униатская церковь в Галиции и т.д.). Но вместе с антисоветским компонентом она сохраняла и сильную антипольскую составляющую в виде симпатий к деятельности УПА относительно поляков на Волыни и в других регионах Западной Украины.

Литовская идентичность также имела в своей памяти не только опыт межвоенной Литвы, но и опыт развития в Вильнюсе и Виленском крае литовской культуры, политических структур, исторической памяти,

отличных от аналогичных структур местных поляков и иных славян.

Преодоление немецкой культурной традиции и исторической памяти прошло в еще более жестких формах.

Наконец, важной особенностью системы историко-культурных регионов Восточной Европы в советский период явилось глубокое этническое пограничное размежевание народов. Национальная идентичность титульных наций стала господствовать в большинстве пограничных локальных групп, независимо от специфики местных диалектов и особенностей исторического развития в досоветский период.

Сложными в этом отношении регионами остались, по сути, только Виленский край и отчасти Латгалия. Остальные регионы, ранее потенциально или даже иногда реально конфликтные, перестали быть таковыми: Подлясье, Восточное и Западное Полесье, Холмщина, Лемковщина, белорусско-российское и украинско-российское пограничье, Силезия, Клайпедский край, Малая Литва...

Приграничные регионы, за исключением Виленского края и отчасти Латгалии, в советское время превратились в не самую развитую часть своих национальных государств. Например, Беларусь окружена наиболее отсталыми регионами соседних стран (кроме Виленского края), украинское Полесье, польско-украинское пограничье – в целом одни из наиболее отсталых регионов Польши и Украины, литовско-латвийское пограничье – депрессивный регион. Приграничные к Латвии и Беларуси российские районы – наиболее отсталые в своих областях. Окружающие Калининградскую область регионы Польши и Литвы, за исключением города Клайпеды – одни из самых отсталых в своих странах.

Границы государств в Восточной Европе приобрели в целом устойчивый характер, когда пограничные локальные группы и регионы в целом более не могли быть объектом успешной взрывоопасной деятельности любого толка: от национальной пропаганды до заметных экономических интересов на территории приграничного соседнего региона. Эта особенность, правда, привела к относительно невысокому потенциалу приграничного сотрудничества между регионами соседних государств.

Данная специфика Восточной Европы сыграла важную роль во время распада СССР и становления на руинах СССР и СЭВ уже национальных государств в их нынешней форме. Эта специфика касается, прежде всего,

внешней политики национальных государств. Государства, как правило, не имели реальных территориальных и культурных претензий друг к другу.

Важно отметить, что политическими активистами и некоторыми аналитиками отмечается угроза дисбаланса в Восточной Европе в случае актуализации любого из крупных пограничных регионов. Сценарии такого дисбаланса эксперты рисуют по-разному, но во всех случаях есть понимание избыточности для стран региона пограничных тем и конфликтов. Национальные государства в Восточной Европе в целом удовлетворены существующими границами и пограничные региональные конфликтные темы не являются приоритетами для них. Это понимание отразилось, в частности, в обнародовании в 1990 году так называемого Минского Заявления представителей правых фракций в парламентах Украины, Беларуси, Литвы, Латвии, Эстонии о Балтийско-Черноморском содружестве этих стран [9].

В этот критический момент лидеры националистических движений стран региона сознательно пошли на отказ от взаимных территориальных и по сути культурных претензий, чтобы не допустить обострения пограничных конфликтов. Такая высокая степень управляемости методами внешней политики политическими процессами, связанными с историко-культурными регионами, стала возможной только в силу того, что в советское время сложились предпосылки к устойчивому сосуществованию национальных государств в Восточной Европе без заметных конфликтов между собой.

Сложившаяся система историко-культурных регионов претерпела серьезные испытания во время распада СССР и СЭВ в конце 1980–начале 1990-х годов. Во всех крупных историко-культурных регионах возникли тенденции к обострению политических противоречий и к превращению этих регионов, особенно пограничных, в точки внешнеполитического противостояния. Эти тенденции, однако, были преодолены с помощью в основном традиционного внешнеполитического инструментария.

Наиболее проблемными регионами, вокруг которых шла концентрация конфликтного потенциала в 1990–х годах, выступили:

3. Латвия и Эстония, где были ограничены гражданские права значительной части населения, преимущественно славян, переселившихся в эти страны после Второй мировой войны.

4. Территория Виленского края в Литве,

где сохранился весь комплекс исторических споров и межэтнических противоречий между литовцами, поляками, отчасти белорусами и русскими вокруг этого региона. Особое значение имела проблема договоров между Литвой и Польшей, Литвой и Беларусью о принадлежности этого региона Литве.

5. Католические районы Западной Беларуси, где происходило осложнение отношений вокруг проблемы этнического характера костела в Беларуси и трактовок национальной истории.

6. Часть польского Подляшья, населенная белорусами и автохтонным населением иных этнических идентичностей.

7. Западное Полесье на стыке границ Беларуси, Польши и Украины. Здесь возникло два потенциально опасных движения – украинское сепаратистское и «ятвяжское» («Полиссе»), требовавшее культурно-политической автономии Западного Полесья как региона, по их мнению, населенного особым народом.

8. Шлёнск (Силезия) в Польше – регион на стыке границ Польши, Чехии и Германии. В начале 1990-х годов остро стояла проблема сохранения в составе Польши этого региона и всех полученных в результате Второй мировой войны немецких территорий. В Силезии происходили противоречивые процессы в среде местных коренных жителей, среди которых выделялись сторонники германской этнической идентичности.

9. Судеты в Чехии. Долгое время не было ясности по проблеме реституции собственности выселенных из этого региона после Второй мировой войны немцев и их возврата в регион.

10. Западная Украина в целом. Регион с наиболее ярко выраженной украинской идентичностью, во многом противостоящей доминирующим в остальной части Украины культурным формам.

11. Ряд локальных регионов в Западной Украине со специфичными противоречиями: проблема русинов в Закарпатье, венгеро-славянские противоречия в Закарпатье, сложности в румыно-украинских отношениях в Черновицкой области Украины.

12. Молдова со всем комплексом специфических острейших проблем.

Эти противоречия (кроме последнего) не развились в реальные острые внешнеполитические конфликты и были разрешены в рамках обычной дипломатической практики: были подписаны договора о границах, а радикаль-

ные политические движения, после того, как пришло осознание невозможности реализации их целей, угасли в целом сами по себе. Заметное значение для недопущения разрастания региональных проблем в пограничные конфликты имело требование со стороны НАТО и ЕС к тем странам, которые стремились войти в состав этих союзов, не иметь пограничных и территориальных проблем с соседями.

Источником реальных пограничных проблем в этот период могли выступить, в первую очередь, националистические движения и организации, геополитически ориентированные на Запад. Получив четкие условия членства своих стран в ЕС и НАТО, эти движения были вынуждены полностью убрать из своих дискуссий, лозунгов, политических программ пограничные темы. С другой стороны, важно помнить, что выполнить условия будущих партнеров по интеграции эти движения смогли только потому, что в советский период была сформирована вполне прочная система пограничного размежевания национальных государств и культурно-политической специализации разных историко-культурных регионов.

Исключением из правила выступает Молдова. Там не удалось преодолеть радикальных националистических устремлений ряда политических сил, и в стране вспыхнула гражданская война. В результате войны возникла самопровозглашенная Приднестровская молдавская республика.

Также исключением, но гораздо более важным для Восточной Европы в силу своего геополитического положения явилась внешняя политика Беларуси после прихода к власти в государстве А. Г. Лукашенко. Беларусь радикально не меняла национальную идентичность, не подгоняла ее под националистическую идеологическую традицию, и потому в Беларуси не возникло влиятельной идеологии с территориальными или культурными претензиями к соседним государствам в принципе.

Способность предотвратить разрушительные региональные конфликты в Восточной Европе силами обычных внешнеполитических инструментов национальных государств не означает полного спокойствия в этой сфере. В Восточной Европе имеются радикальные националистические и регионалистские структуры, временами создающие напряженность в ряде регионов. Но в целом, возникающие очаги напряженности оказываются разрешимыми без разрушительных внешнеполитических кон-

фликтов при условии, если радикальные движения целенаправленно не поддерживаются внешними центрами силы в своих интересах.

После интеграции ряда стран Восточной Европы в ЕС и НАТО в развитии историко-культурных регионов возникли новые тенденции:

1. Изменение этнического состава населения ряда регионов по причине массовой миграции части населения за пределы своих национальных государств или ассимиляции.

2. Особое значение имеет миграция населения в развитые страны ЕС из сельской местности и малых городов регионов, которые традиционно являлись опорой для несоветских версий национальной культуры и соответствующих политических структур. Потери в населении этих регионов Литвы и Латвии – около 20% от уровня 1989 года. В Латгалии (Латвия) – около 30%. При этом основные потери пришлись на период после вступления Литвы и Латвии в ЕС. Если в начале 1990-х годов эти регионы выступили базой для массовой поддержки националистических движений, которые разворачивали свои страны на Запад, то ныне эти регионы не имеют прежнего политического значения. В ряде случаев они превратились в опору как раз противостоящих правым силам левых движений и партий. Это особенно ярко видно на примере Литвы. Однако, социальное и демографическое истощение этих регионов привело к тому, что победу, одержанную с помощью местного нуждающегося в социальной опеке населения, сложно конвертировать в устойчивую систему власти, которая бы взяла на себя опеку этого населения силами государства.

Регионы, которые долгие десятилетия советского периода были опорой национальных движений и антисоветских версий национальных культур, потеряли прежнюю динамику, лишившись молодежи. Этот процесс продолжается и набирает силу, создавая демографическую яму и обезлюживание обширных пространств сельской местности в ряде стран. Прежде всего, в Литве и Латвии [10]. Согласно опросу социологической компании Baltijos tyrimai, «чем моложе возрастная группа, тем выше в ней процент эмигрантских настроений. В среде молодежи от 20 до 29 лет уехать из Литвы хотят 40% – вдвое больше среднего показателя по населению. В самой юной возрастной группе (15-19 лет) своего будущего в Литовской республике не видит 56% респон-

дентов» [11]. 64% молодых поляков и 56% молодых украинцев также хотели бы уехать из своих стран [11].

Реальная политическая сила ныне четко локализована в крупных городских агломерациях. Города стали точками опоры либеральных версий национальной идентичности, подобно тому, как в советское время крупные города и агломерации были опорой советских версий национальной идентичности и также играли ведущую роль в политической жизни своих стран.

Особенностью восточно-европейского политического районирования, которое имеет важное значение при выработке внешнеполитических решений, является зачастую происшедшее смещение центров политической активности не просто в крупные города, но из центров советских индустриальных районов в центры прежде недостаточно урбанизированных регионов, носителей антисоветских версий национальной идентичности: Львов, Каунас, Краков... Как правило, интеллигенция и население столиц и крупных городов национальных государств поддерживает более радикальные версии либеральных реформ и более жесткую ориентацию на Запад во внешней политике, чем жители сельской местности и малых городов.

В ряде случаев происходят ранее немыслимые смены внешнеполитических и культурных приоритетов населения ранее «антисоветских» регионов, ставших особо депрессивными: сельская местность Литвы, Ужгородская область Украины, во многом полесские районы Волыни.

Также сопротивление населения сельской местности обычно вызывает современная леволиберальная политика относительно культуры, церкви, традиционных ценностей, источником которой население массово считает «Брюссель» и развитые страны ЕС. Историко-культурные регионы стали новым фактором внешней политики национальных государств-членов ЕС: наиболее активные ранее в антисоветской оппозиционности регионы ныне выступают опорой евроскептиков и противников углубления интеграции своих стран в структуры ЕС – сельские регионы Литвы, Малая Польша.

Но перед нами не смена геополитической ориентации населения данных стран, а новое явление: критическое отношение к внешнеполитическим решениям своих национальных государств, которые все глубже интегрируются в структуры ЕС.

В силу того, что завершение урбанизации в Восточной Европе во многом совпало с ми-

грацией остатков сельской молодежи не в города своих стран, а в страны развитой части ЕС, появилась тенденция к очень глубокому культурному конфликту между населением депрессивных сельских регионов и малых городов, нуждающимся в социальной опеке, живущим еще отчасти образами советской эпохи, и молодым поколением, которое проживает в городах, ориентируется на интеграцию своих стран в ЕС и зачастую на отъезд в развитые страны ЕС. Внутренний конфликт усиливает регионализацию политической жизни национальных государств Восточной Европы и создает предпосылки для регулярных и на первый взгляд неожиданных выбросов политического правого радикализма (Венгрия – партия «Йоббик», Литва – партия «Путь смелости», Польша – «Национальное движение» и т.д.). Как отмечает немецкий исследователь Х. Бест, все опрошенные им респонденты, занимающие крайние политические позиции – как левые, так и правые – оказались евроскептиками, хотя и по разным причинам, и защитниками национального государства [12].

Наличие депрессивной и культурно своеобразной провинции привело к появлению феномена политических партий без устойчивой идеологии, построенных вокруг популистских программ и лидеров. Партий, которые не в состоянии реализовать противостоящую истеблишменту своих стран программу, но набирающих большой электоральный вес во время предвыборных кампаний. Как правило, эти партии также пытаются время от времени фрондировать относительно органов управления ЕС, создают моменты непредсказуемости во внешней политике своих стран и предпосылки к внутренним кризисам вокруг внешнеполитических вопросов (импичмент президента Литвы Р. Паксаса, кризис вокруг падения самолета с польским руководством в Смоленске и т.д.)

Важным фактором для политической кристаллизации историко-культурных региональных особенностей выступила региональная политика ЕС и особенно административная реформа в странах-членах ЕС. Границы административных единиц, ставших крупными и политически значимыми в своих странах, ныне проходят в основном по границам зон историко-культурных регионов. Происходит усиление культурного своеобразия крупных регионов национальных государств. Но разными темпами и по-разному в рамках одной страны.

Более сильные регионы приобретают потенциал к культурной экспансии относительно региональных культур депрессивных и просто более слабых регионов. Формы внутренней культурной экспансии бывают разными. Но они всегда включают в себя влияние на внешнюю политику национального государства в области культуры. Так, Галиция смогла успешно предложить истеблишменту Украины свое понимание исторической памяти в качестве общей базы для исторической памяти украинцев относительно Второй мировой войны. Также показателен в этом аспекте перенос центра Украинской Греко-Католической Церкви из Львова в Киев [13].

В случае, когда границы политически активного региона совпадают с границами ярко выраженного историко-культурного региона, происходит выработка очень устойчивого комплекса идеологических парадигм в области исторической памяти и внешнеполитической ориентации страны. Этот комплекс становится вариантом идеологии для всей нации, которую предлагает политическая элита данного региона своей стране. Наиболее ярко это видно на примере Украины, где происходит столкновение Запада и Востока Украины со своими вариантами идеологии для независимого национального государства и своими вариантами внешнеполитической ориентации национального государства. Но такое же развитие мы увидим и в остальных странах Восточной Европы, кроме Беларуси, где политическая жизнь развивается оригинально.

Следовательно, для успешной внешней политики восточно-европейских государств относительно друг друга становится принципиально важно найти успешные формулы для взаимодействия не просто с национальной культурой и идеологией данной страны, а с культурой и идеологией ключевых регионов этой страны. Невозможно успешно вести политику относительно Украины или Польши без знания истории, культурных и политических особенностей того региона, который является базовым для правящей в данный момент в стране политической коалиции.

Таким образом, историко-культурные регионы являются особым фактором политики в странах Восточной Европы, и прежде всего особым фактором внешней политики национального государства. Они представляют собой систему в масштабе как национальных государств, так и всей Восточной Европы в целом. Историко-культурные особенности наиболее крупных политических регионов становятся

базой для тех версий национальной идеологии, культуры и внешней политики, которые выдвигают элиты этих регионов для всей нации. Во всех восточно-европейских странах (кроме Беларуси) происходит усиление различий и степени влияния разных историко-культурных регионов на свои нации. Доставшаяся Восточной Европе от советского периода структура историко-культурного и национального районирования сделала возможным относительно бесконфликтное внешнеполитическое взаимодействие стран региона между собой. Но это возможно лишь при условии, пока внешние по отношению к Восточной Европе силы не используют малые и средние государства региона для расширения зоны собственного влияния в большой геополитической игре.

Список литературы

1. Тегеран – Ялта – Потсдам: сб. документов / сост.: Ш.П. Санакоев, Б.Л. Цыбулевский. – 2-е изд. – М.: Международные отношения, 1970. – 416 с.
2. Полян П. Оптации: с кем и когда в XX веке Россия обменивалась населением // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / под ред. О. Глезер и П. Поляна. – М.: ОГИ, 2005. – С. 536–544.
3. Кабузан В. М. Формирование многонационального населения Прибалтики (Эстонии, Латвии, Литвы, Калининградской области России) в XIX–XX вв. (1795–2000 гг.) – М.: ИРИ РАН, 2009. – 152 с.
4. Тархов С. А. Итоги переписи населения Украины 2001 года // Четвертые сократические чтения по географии. Научные теории и географическая реальность. Сб. докладов / под ред. В. А. Шупера. – М.: Эслан, 2004. – С. 144 – 164.
5. Eberhardt P. Ethnic Groups and Population Changes in Twentieth-century Central-Eastern Europe: History, Data, and Analysis / P. Eberhardt; transl. by J. Owsinski. – Armonk, N. Y.: M. E. Sharpe, 2003. – 559 p.
6. Национальный состав населения Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/p5.php> (дата обращения: 14.07. 2013).
7. Тульский М. Итоги переписи 2001 года в Литве. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/081/analit01.php> (дата обращения: 14.01.2012).
8. Babiński G. Mniejszości narodowe i etniczne w Polsce w świetle spisu ludności z roku 2002 // Studja Socjologiczne. – 2004. – № 1 (172). – S. 139–152.
9. Халиманович Н. Общая характеристика двусторонних отношений Беларуси со странами Балтии (1990–2002гг.) // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2003. – № 2. – С.55–60.
10. Косов Ю. В., Михеева Н. М. Демографические проблемы городов стран Балтийского региона: основные тенденции // Балтийский регион. – 2010. – № 4. – С.6–17.
11. Носович А. Пора валить: чемоданные настроения молодежи Восточной Европы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rubaltic.ru/article/ekonomika-i-biznes/pora-valit-chemodannye-nastroeniya-molodezhi-vostochnoy-evropy07112013/> (дата обращения: 7.11.2013).
12. Бест Х. Европа элит. Изменение и детерминанты ориентаций политических и экономических элит государств Европейского союза // Элиты и общество в сравнительном измерении: сб. статей / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 112–119.
13. Центр украинских греко-католиков переносится в Киев. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/news/13463.htm> (дата обращения: 16.08.2013).